

«При славе буди смирен...»

Об источнике изречения на русских средневековых печатях-матрицах

А.Г. Авдеев

Нельзя сказать, что тема «Древняя Русь и античность» не нашла отражения в нашей историографии. Однако, как правило, в исследованиях, посвященных данной теме, постулируется, что Русь восприняла античную культуру в христианизированном виде через Византию в сферах художественной культуры и книжности (1). При этом формы и степень рецепции античной культуры в повседневную жизнь Древней Руси еще ждут фундаментального исследования.

Античность для Древней Руси не была «запечатленной книгой». Одним из наиболее популярных персонажей греческой истории, воспринятым древнерусской книжностью через Византию и южных славян, был Александр Великий. Страницы многочисленных «Александрий» и Хронографов служили источником вдохновения для летописцев, камнерезов и ювелиров. Сравнительно недавно Н.С. Бекетовой были исследованы изображения Александра Македонского на монетах великого князя Тверского Бориса Александровича (2).

Отдельным, пока недостаточно изученным «полем» для рецепции элементов античной культуры в повседневном быту является сфрагистика. Еще А.Б. Лакиер обратил внимание на обилие античных камей и инталий, использовавшихся в качестве вставок в древнерусские прикладные печати (3). Но их выбор был достаточно случаен и зависел от возможностей владельцев обзавестись таким «экзотическим» предметом, что, очевидно, было сделать нелегко. Это не относится к античным сюжетам, воспроизведенным на металлических печатях-матрицах непосредственно русскими мастерами. Таковыми являются сцены борьбы пигмеев с журавлями и аримаспов с грифами, а также изображения огромных «мравиев» и Александра Македонского. Источниками этих сюжетов, очевидно, были различные редакции Хронографов и «Александрий» — романа об Александре Македонском, известного на Руси еще в 11–12 вв. и сохранившегося во множестве рукописных списков (4).

Еще чаще на русские средневековые печати проникали крупницы античной мудрости — краткие изречения, приписываемые известным философам и политическим деятелям Греции и Рима. Из них самым популярным является афоризм «При славе

буди смирен, при печали — мудр», вырезавшийся на прикладных печатях-матрицах в 16–17 вв. (рис. 1; 2). В настоящее время по публикациям мне известно 13 экземпляров печатей и перстней-печатей с данным изречением (5). География их бытования достаточно обширна — Москва, Можайск, различные районы Московской, Тульской и Псковской областей. Справедливости ради укажу, что печатей-матриц с библейскими изречениями зафиксировано гораздо меньше (6).

Первоисточником сентенции является «Пчела» — переведенный на русский язык сборник «Мелисса», составление которого приписывается преподобному Максиму Исповеднику (582–662 гг.) (7). В него вошли цитаты из Священного Писания, трудов Отцов Церкви, а также изречения и сентенции философов, ораторов, поэтов, драматургов и политических деятелей античной эпохи, в первую очередь на морально-этические темы, близкие христианскому миропониманию. В настоящее время считается, что русский перевод «Пчелы» появился на рубеже 12–13 вв., но не позднее 1219 г. и быстро завоевал популярность (8). На Руси «Пчела» пользовалась огромной популярностью вплоть до 18 в. и дошла в большом количестве списков, различающихся количеством включенных в них сентенций (9). Как душеполезное чтение митрополит Макарий включил «Пчелу» в июльский том Великих Четий Миней.

Многие из изречений «Пчелы» вошли в устную речь, породив пословицы и поговорки. В частности, это касается отмеченной выше сентенции, одинаково популярной в городской и сельской среде. Приписанная Александру Македонскому, она оказалась

Рис. 1. Шейные печати-матрицы и перстень-печать XVI–XVII вв. с сентенцией «При славе буди смирен» (Станюкович А.К., Авдеев А.Г. Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII–XVII веков из частных собраний. М., 2007)

единственным из 2500 собранных в «Пчеле» изречений, в разных вариантах попавшим в памятники древнерусской книжности и на произведения декоративно-прикладного искусства. Особенно часто она встречается на печатях-матрицах.

С одной стороны, появление этой сентенции на данных артефактах можно связать с популярностью Александра Македонского в древнерусской (шире — средневековой славянской) книжности.

Существование сентенций, приписываемых Александру Македонскому, со временем превращавшихся в пословицы и поговорки, — очевидно, общая внеконфессиональная черта средневековой культуры. М.-К. Вароль отмечает их существование в мусульманской литературе и среди евреев Испании. При этом связь сентенций, приписанных великому полководцу, с античной традицией прослеживается лишь частично. В еврейской среде они в большей мере связаны с религиозными текстами, а в арабских текстах изречения Александра Македонского вообще представляют его добрым мусульманином (10).

В Московской Руси сентенция «При славе будь смирен» имеет широкое распространение. В качестве примера ее популярности можно привести рукописный сборник 1445 г. из библиотеки Троице-Сергиевой лавры. Здесь эта фраза, contaminated с изречением, приписываемом драматургу эллинистической эпохи Менандру (11), буквально разбивает богословский комментарий к посланию апостола Павла к Коринфянам и, более того, выделена писцом красными чернилами: «при славе буди смиренъ а при печали мощь великое бгѣтство члбкѣ оумъ» (12).

Рис. 2. Воскомастичные оттиски печатей с сентенцией «При славе буди смирен»: 1 — нижегородского писца Грибана Дмитриева, 1561 г.; 2 — князя Даниила Андреевича Друцкого, 1574 г. (Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в архиве Министерства юстиции, составленный директором архива А. Ивановым. М., 1858. XVI век. № 84, 113)

С другой стороны, чем шире эта сентенция распространялась, тем скорее она становилась фактом фольклора, приобретая характерную для пословиц метричность и вариативность, тогда как память о ее первоисточнике утрачивалась.

Первый вопрос, возникающий при анализе причин небывалой популярности этого изречения, можно сформулировать так: насколько эта крупная языческой мудрости соответствовала православному миропониманию? И это тем более важно, что переводчик «Пчелы» проявил неоднозначное отношение к изречениям античных философов, включенным в этот сборник. Если в оригинальном тексте авторы афоризмов разделены на «святых и мудрых мужей» (ἀγίων καὶ σοφῶν ἀνδρῶν), то переводчик дает более расширенную градацию собранных в «Пчеле» изречений на «рѣчи и мощьности ѿ еуалли и ѿтѣ апла и ѿ тѣхъ мужъ и разумъ внѣшнихъ диалоговъ» (13). Дело в том, что, следуя за авторитетом Отцов Церкви, древнерусские книжники делили философию на внутреннюю (священную, истинную или нашу мудрость) и внешнюю (светский или поверхностный разум). Наиболее полно разница между двумя видами философии изложена в трактатах преподобного Максима Грека. Внутренняя философия, или богословие, по его мнению, «о Бозе бо и правде Его и во вся преходящем непостижимом Его промысле повествует», внешняя же, прежде всего светская, философия необходима человеку для научения его добру — «не сия убо правило чести възбраняет, но еже развратне сими действовати» (14).

Именно в этом контексте изучаемая сентенция как относящаяся к «разуму внешних философов» вызывала в памяти знаменитую надпись на перстне царя Соломона (всѣ сла минетѣ), предписывая, как надо вести себя в противоположных жизненных ситуациях. Тем более что изречение на перстне Соломона было

помещено на печати князя Дмитрия Донского и, очевидно, свидетельствовало о пробуждении на Руси интереса к «сфрагистической» афористике (15). На сегодняшний день это наиболее ранний пример из зафиксированных книжных сентенций на древнерусских печатях. Характерно, что в сказании, очевидно, послужившем источником этого изречения, надпись на перстне связана не с мудростью Соломона, а с неким неправедным царем. При этом надпись на перстне, по словам подарившего его мудреца, закрепляла определенную модель поведения: «Того ради дах ти злато, яко царь еси. Паки, да не забудеши моего писана духовнаго, верху перстня написано: “Вся ся минуется”, да всегда сия почитая спасеши ся». Царь последовал мудрому совету, продолжает сказание, «иже его приходяше ему радость или печаль, то прочиташе, яко минетѣся, и тако спасеся от безмѣрных радости и печали, еже есть всем человеком на плъзу, без мѣры веселящихся и печалующимся, зане бо вся скоро вѣка сего прелестьнаго минует» (16). Обратим внимание на созвучие модели поведения в «Пчеле» и сказании: в обоих памятниках ключевым термином является «мѣра». В принципе это одновременно соответствует и полисному идеалу «золотой середины», и созвучно христианской системе ценностей.

Собственно говоря, в отличие от элитной культуры, для народной культуры Древней Руси деление философии на «внутреннюю» и «внешнюю» оказалось малозначительным, тем более что речь шла о предметах повседневного быта. Важнее было то, что изречение, приписанное Александру Великому, закрепляло вполне христианскую модель поведения, о которой постоянно напоминала печать-матрица.

Тем не менее для уяснения этого процесса необходимо обратиться к переводу данной сентенции на древнерусский язык и к проблеме ее авторства.

Надо сказать, что греческую фразу «Εὐθυχῶν μέτριος ἴσθι, ἀτυχῶν δὲ φρόνιμος» древнерусский книжник перевел очень точно. Из многих значений для слова «μέτριος» он выбрал именно имеющее сходный набор звуков и, более того, этимологически верное «сѣмѣренъ», «умерен», «(соблюдая) меру» (17). Подчеркнем, что М. Фасмер выводит это слово из древнерусского сѣмѣренъ (со ссылкой на «Сказание о Борисе и Глебе»), восходящего к старославянскому сѣмѣренъ, от сѣмѣрети «умерить, смягчить, подавить» — так же, как и «мѣра» (18). Однако народная этимология дала изречению совершенно иной, более глубокий христианский смысл. Все дело в том, что звук, передаваемый буквой «ѣ» во многих древнерусских говорах совпадал со звуком *и* (19). Раньше всего это совпадение прослеживается в южнорусских говорах — с конца 9 в. В древненовгородском диалекте этот процесс намечается в третьей четверти 12 в. и заметно усиливается со второй половины следующего столетия (20). В смоленских говорах он наблюдается с 13 в., в московском — после 14 в. (21). Благодаря этим переменам ключевое для первой половины сентенции слово «сѣмѣренъ» народная этимология сблизилась со словом «мир» (22), и афоризм, таким образом, приобрел совершенно иной смысл. Если первоначальный перевод призывал к тому, чтобы человек в счастье был умерен, то новое прочтение афоризма, проникшее в 15 в. в памятники книжности, а в 16 в. — на прикладные печати, стало призывать к смирению в счастье, ибо, как и несчастье, оно кратковременно. И если первоначальный перевод еще отражал характерное для античности стремление к «золотой середине», то на Руси народная его версия переосмыслила сентенцию в полностью христианском духе.

Последний вопрос — об авторстве сентенции. В древнерусском переводе оно действительно приписано Александру, тогда как в греческом оригинале ее авторство закреплено за Κυψέλλου Κορινθίου — коринфским тираном Кипселлом (23). Однако и здесь допущена неточность, так как греки приписывали авторство этого изречения сыну и преемнику последнего Периандру (629—585 гг. до н. э.), включавшемуся поздней традицией в число Семи мудрецов (24). В греческой «Пчеле» Кипселлу приписаны еще два афоризма Периандра. Первый — «Φίλοις εὐθυχοῦσι καὶ ἀπὸς ἴσθι» (25) — «С друзьями будь одинаков и в счастье и в беде» (26) — отмечен у Диогена Лаэртского и Деметрия Фалерского (27). Второй — «Ζὼν μὲν ἐπαινοῦ, ἀποθавον

δὲ μακαρίζου» — «При жизни будь хвалим, после смерти — благословим» (28) — только у Деметрия Фалерского (29). Имя Кипсела древнерусскому переводчику известно не было, по-видимому, отчасти потому, что и античная традиция не воспринимала мудрецом тирана Коринфа. В «Пчеле» в первом случае его имя было переведено как «Кипсельский *ипккпъ*», во втором — как просто «Кипсельский»: очевидно, переводчик решил, что речь идет о некоем раннехристианском философе. Однако в рассматриваемом нами фрагменте «Кипсела из Коринфа» неожиданно превратился в «Александра». Думается, что в греческой рукописи «Пчелы», с которой делался перевод, в данном месте действительно могло стоять имя Перияндра, а переводчик, либо в силу неразборчивости почерка оригинала, либо в силу неизвестности имени, приписал сентению Александру Великому. Вообще, подобные «вольности» перевода очень характерны для древнерусской «Пчелы». Если в цитатах из Священного Писания и трудов Отцов Церкви переводчик ошибался редко, то там, где дело касалось античной философии, он обычно путал имена — Сократа с Исократом, Диона Хриостома и Диона Кассия — с Иоанном Златоустом (30). Так, одно из изречений, приписанных в греческой «Пчеле» Демосфену, в переводе оказалось приписанным Сократу (31). По-видимому, с составом греческого текста связано и то, что у некоторых из «безымянных» сентений стоят иные имена философов, отсутствующие в рукописи, опубликованной Е. Минем (32).

Конечно, как греческий, так и древнерусский тексты «Пчелы» требуют глубокого текстологического анализа со стороны антиковедов, и каждый случай разночтения оригинала и перевода должен сопровождаться обращением к текстам античных авторов. Тем не менее исследуемый пример показателен. Как кажется, причина замены имени Перияндра кроется в том, что в 12 в. во Владимиро-Суздальской Руси Александр Македонский был известен неизмеримо больше, чем все семь мудрецов вместе взятые. Властитель Македонии дважды упоминается в летописце Переслава Суздальского — под 1091 г. и 1110 г. (33). Не позднее 12 в. появился русский перевод одной из редакций «Деяний Александра» Псевдо-Каллисфена — Хронографическая Александрия (34). Изображения владыки Македонии имелись на стенах Успенского и Дмитриевского соборов во Владимире и Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (35). Храбрость Александра была примером для подражания. «Господи! Дай же князю наше-

му Самсонову силу, храбрость Александрову, Иосифль разумъ, мудрость Соломонову и хитрость Давидову», — писал Даниил Заточник (36). В 15 в. изображение Александра появляется на монетах великого князя Тверского Бориса Александровича. В эпоху Московской Руси изречения, приписанные в «Пчеле» великому завоевателю, приобрели популярность на печатках-матрицах, перейдя в сферу фольклора. ■

Примечания

1. См., например: *Этингф О.Е.* Античные традиции в древнерусской художественной культуре X—XV веков // *Античное наследие в культуре России* / Под общ. ред. Г.С. Кнабе. М., 1996. С. 52—96.
2. *Бекетова Н.С.* Изображение Александра Македонского на монетах великого князя Бориса Александровича Тверского в контексте древнерусской культуры // *Тверской археологический сборник. Вып. 4 / Материалы II Тверской археологической конференции и 5-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности»* / Т. II. Тверь, 2001. С. 372—374.
3. *Лакиер А.Б.* Русская геральдика. М., 1990. С. 119—120.
4. Подробнее см.: *Авдеев А.Г., Станюкович А.К.* Античные сюжеты на русских средневековых прикладных печатях // *Родная старина*. 2007. Июнь — июль — август. С. 14—16; *Авдеев А.Г.* Еще о русских средневековых прикладных печатях // *Родная старина*. 2007. Октябрь — ноябрь — декабрь. С. 18—19.
5. См.: *Станюкович А.К., Авдеев А.Г.* Неизвестные памятники русской сфрагистики. Прикладные печати-матрицы XIII—XVII веков из частных собраний. М., 2007. С. 33.
6. Там же.
7. Греческий текст: *Patrologiae cursus completus seu bibliotheca universalis, integra, uniformis, commoda, oeconomica, omnium ss. Patrum, doctorum scriptorumque ecclesiasticorum. Series Graeca. Ed. J.-P. Migne* (далее — PG). Т. CXXXVI. Col. 792—1244; издания древнерусского текста: *Семенов В.А.* Древняя русская Пчела по пергаменному списку // «Пчела»: Древнерусский перевод / Т. 1. М., 2008. С. 179; см.

также: Пчела // *Мудрое слово Древней Руси (XI—XVII вв.)* / Сост., вступ. статья, подг. древнерусских текстов, пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1989. С. 233.

8. *Пичхадзе А.А.* Древнерусский перевод «Пчелы» // «Пчела»: Древнерусский перевод / Т. 1. М., 2008. С. 7.

9. К сожалению, неизученным остается вопрос о времени и географии распространения списков «Пчелы». Могут лишь указать, что до революции в библиотеке Макариево-Унженского монастыря хранился список этого произведения, созданный в 1702 г. См.: *Херсонский К.* Описание старинных рукописей, хранящихся в архиве Макариево-Унженского монастыря, Костромской губернии. Кострома, 1887. С. 6. № 27.

10. *Вароль М.-К.* Традиция текстов об Александре Великом в современных еврейско-испанских пословицах // *Одиссей: Человек в истории-2008: Script/Oralia: Взаимодействие устной и письменной традиции в Средние века и раннее Новое время*. М., 2008. С. 104—137.

11. *Мудрость Менандра Мудраго* // *Мудрое слово Древней Руси (XI—XVII вв.)*. Сост., вступ. статья, подг. древнерусских текстов, пер. и коммент. В.В. Колесова. М., 1989. С. 186.

12. Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ. Ф. 304.1 (Главное собрание Троице-Сергиевой лавры). № 747. Л. 463.

13. *Семенов В.А.* Древняя русская... С. 1.

14. См.: *Громов М.Н.* Максим Грек. М., 1983. С. 94—95.

15. Подробнее см.: *Турилов А.А.* «Всѣмъ мннѣтъ». Отголоски легенды о царе Давиде в русской сфрагистике и книжности // *Славяне и их соседи*. Вып. 5. М., 1994. С. 107—113.

16. Там же. С. 113.

17. В этом же ключе данную сентению переводят М.А. Гаспаров: «В счастье будь умерен, в несчастье — разумен» (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1979. С. 94) и А.В. Лебе-

дев — «В удаче будь умерен, в беде — рассудителен» (Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. От этических теокосмогоний до возникновения атомистики. Изд. подг. А.В. Лебедев. М., 1989. С. 93).

18. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Пер. с немецкого и доп. акад. РАН О.Н. Трубачева. Т. 3. Муза — сят. М., 2007. С. 688—689; см. также: *Словарь старославянского языка*. Т. IV. СПб., 2006. С. 304.

19. *Русинов Н.Д.* Древнерусский язык. М., 1977. С. 80.

20. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект. М., 2004. С. 70—71.

21. *Русинов Н.Д.* Древнерусский язык... С. 81.

22. *Фасмер М.* Этимологический словарь... С. 689.

23. PG. Т. CXXXVI. Col. 590.

24. *Diog. Laert.*, I, 7, 98; *Demetr. Phaler.*, 7, 8; ср.: *Diog. Laert.*, I, praef. 13.

25. *Семенов В.А.* Древняя русская... С. 69. PG. Т. CXXXVI. Col. 550.

26. Здесь и далее приводятся сентенции в переводе А.В. Лебедева.

27. *Diog. Laert.*, I, 7, 98; *Demetr. Phaler.*, 7, 12.

28. *Семенов В.А.* Древняя русская... С. 288. Данный фрагмент «Пчелы», отсутствующий в PG, В.А. Семенов обнаружил в Cod. Parisin. 1169. F. 173.

29. *Demetr. Phaler.*, 7, 11.

30. *Семенов В.А.* Древняя русская... С. 10, 22, 62 и др.

31. Там же. С. 10 и др.

32. Там же. С. 19 (Тимонакт), 22 (Хорикий), 27 (Фаворин), 33 (Аристипп), 34 (Сократ), 42 (Демокрит) и др.

33. *Летописец Переслава Суздальского* // *Полное собрание русских летописей*. Т. 40. М., 1995. С. 64, 65.

34. Изд.: *Истрин В.М.* Александрия русских хронографов. Исследование и текст. М., 1883.

35. *Этингф О.Е.* Античные традиции... С. 75—76. В этом контексте очень трудно согласиться с мнением Б.А. Рыбакова (*Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 642), активно поддержанном Н.С. Бекетовой (*Бекетова Н.С.* Изображение Александра Македонского... С. 374), будто бы композиция рельефа «Вознесение Александра Македонского» на стене Георгиевского собора во Владимире является «удачной маскировкой образа солнечного Дажьбога»: данному сюжету можно найти параллели в каменной резьбе Византии.

36. Слово Даниила Заточника // *Библиотека литературы Древней Руси*. Т. 4: XII век. СПб., 1997. С. 282.

**ФОРУМ
КЛАДОИСКАТЕЛЕЙ**

reviewdetector.ru

